

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава 1. Отзови пса	11
Глава 2. Белый ландыш	29
Глава 3. Голодная стая	50
Глава 4. Разница между веснушками и звездами... ..	73
Глава 5. Не засыпай, ведьма	80
Глава 6. Тела-клетки	93
Интермедия. Золотое перышко	113
Глава 7. Мои	120
Глава 8. Часы сошли с ума	137
Глава 9. Зеленый луч	150
Глава 10. Бесы	181
Глава 11. Темная сторона солнца	202
Глава 12. Сны большого города	225
Глава 13. Не стой на пороге	246
Глава 14. Ключ от центра	256
Глава 15. Сердца	278
Интермедия. Мальчик-метеор	305
Глава 16. От полуночи до полудня	313
Глава 17. Прощение и принятие	333
Глава 18. Покрывало тишины	346
Глава 19. Обогнуть рассвет	364
Глава 20. Вспоминай меня	386
Глава 21. Ее кони	408
Глава 22. С днем нового рождения	425
Глава 23. Дом	454
Интермедия. Кровью и потом	466
Благодарности	478

Пролог

В городе над Волгой, в далекой-далекой стране, где, говорят, зимой ужасно холодно, жила девушка. Девушка мечтала стать переводчиком с английского и, когда думала о поступлении, представляла себе аудитории-амфитеатры, торжественную атмосферу и невероятные истории каждый день. А на выходе получила грибок на стенах, полтора занятия по фольклористике — а вы что думали, в сказку попали? — и хроническую усталость от вечерней магистратуры.

Возвращаясь домой, она едва ли успела отметить разгорающийся закат или то, какие ранние, нехарактерные для времени года, были сумерки. Когда ей встретился невысокий господин, она больше злилась на грядущий зачет и сумку с книгами, бьющую ее по ногам. Невысокий господин носил очки в медной оправе, медное кольцо — он показался ей одним из тех мерзких товарищей, что представляли перед студентками со спущенными штанами на закрытом пятачке у стадиона. Когда он заговорил, его зубы в свете фонаря тоже показались медными.

— Простите, вы не подскажете, сколько времени?

Он смотрел на нее внимательно, будто пытался впитать и темные волосы, и серые глаза, будто хотел пощупать. Ей потребовалась секунда, чтобы понять: невысокий господин был слеп. И еще секунда, чтобы ответить:

— Пятнадцать минут девятого.

Так невысокий медный господин забрал ее время.

Она продолжала спешить, не замечая заката и не разбирая дороги, ей все казалось, что ветки окрестных деревьев цепляются за ее одежду и что остановка находится ужасно далеко. Когда ей встретился другой господин, она беспокоилась, что маршрутки, наверное, уже не ходят. Второй невысокий господин носил очки в серебряной оправе, серебряное кольцо — он не показался ей никем, разве что смутно знакомым, и тоже был слеп. «Как странно, — успела подумать девушка, — второй слепец за один вечер». Когда он заговорил, то в свете фонаря его зубы блеснули серебром.

— Простите, вы не подскажете, останавливается ли на той остановке восемнадцатый троллейбус?

Он смотрел на нее внимательно, будто с разочарованием, что она — «не та». Такое отношение со стороны незнакомого человека могло бы ее обидеть, но девушке было глухо, и сумка, бьющая по коленям, ее больше не беспокоила.

— Останавливается, — ответила она. И, подумав, добавила: — Кажется.

Так невысокий серебряный господин забрал ее память.

А что человек без памяти?

Девушка почти дошла до остановки, ее темные волосы растрепались, и она больше напоминала соб-

ственную испуганную тень. Она все пыталась вспомнить номер маршрутки, и внезапная забывчивость, помноженная на усталость, ее очень расстраивала. В этот момент она увидела третьего господина, он будто ее ждал. Третий невысокий господин носил очки в золотой оправе и золотое кольцо. Он тоже был слеп. Мимо них промчалась маршрутка. Девушке были смутно знакомы четки на зеркале заднего вида и водитель в сером свитере, но она даже не попыталась поднять руку, чтобы тот остановился. Когда третий господин заговорил, его зубы показались ей сделанными из чистого золота.

— Простите, вы не подскажете, куда шла эта маршрутка, кажется, она была последней?

Девушка не успела ответить, только открыла рот и набрала воздуха, но золотому господину этого оказалось достаточно. Если бы он смотрел, то заглянул бы, наверное, прямо ей в душу. На самом же деле золотой господин ограничился тем, что забрал ее дыхание.

И оставил ее смотреть бездумными пустыми глазами в темнеющее небо — ни вдохнуть, ни выдохнуть она не могла.

Пока свет фонаря, бьющий ей прямо в глаза, не перестал быть для нее проблемой.

Пока девушка не заснула. Оказалось, что навсегда.

На другом конце города над Волгой Саша Озерская открыла глаза только для того, чтобы увидеть перекошенные от беспокойства лица обитателей

Центра. Саша все хватала ртом воздух — не надышаться, никак не надышаться. Собственная грудная клетка казалась слишком тесной — за себя и за неизвестную девушку все равно не надышишься. Только за кого-то одного.

Саша перевернулась на бок, прижимаясь щекой к ковру — это место не похоже на дом, но оно лучше. Это не темная улица, где незнакомцы воруют людей по крупицам.

Саша все видела тот фонарь, который больше не приносил девушке неудобств. И тем беспощаднее он мучил саму Сашу.

Саша пыталась собрать себя в кучу, закрыть глаза, чтобы больше не видеть, обнять себя за плечи, согреться, а еще лучше — надышаться. Неважно, сколько вдохов делаешь, — все равно мало. Сашу трясло.

Пусть все закончится, пусть все закончится, пожалуйста, пусть все закончится.

ОТЗОВИ ПСА

— Нам обязательно ждать этих малолеток? — Голоса в темноте звучали напряженно. Говорят, к работе привыкаешь — по факту, только стерженеешь, черствеешь и стареешь до срока. Но не привыкаешь. Ни к раскрытым в последнем выкрике ртам, ни к ледяным рукам, ни к мертвым, неподвижным глазам.

Юный полицейский, допущенный к полевой работе недавно, походил на щенка спаниеля: бесконечной бестолковостью, неуклюжестью или четко идущим от него фоном — рядом с мертвой девушкой ему было некомфортно. Юный полицейский изо всех сил храбрился, то ли стараясь впечатлить старшего по званию, то ли отчаянно цепляясь за возможность не проблеваться:

— Знаю, что обязательно. Тогда следующий вопрос. Возьмут ли они с собой Озерскую?

Саша Озерская — золотая девочка Центра Парасихологии — походила на кошку окраса шиншилла на атласной подушечке. Допустить подобное сравнение, безусловно, было первой ошибкой любого

наблюдателя. Матвей Иванович это знал. Юный полицейский это зная отказывался. Болтовня мешала Матвею Ивановичу работать.

— Ждать будем столько, сколько потребуется. Климова обещала, что будут в течение часа. А Озерскую возьмут вряд ли, она трупы ненавидит. Поверь, ты с Сашей на работе пересекаться не хочешь. Она из любого задания сделает театральную постановку имени себя любимой.

Юный полицейский с сомнением хмыкнул, но счел разумным промолчать. Разумности его, как у многих из нас, как у лучших из нас, хватило ненадолго:

— И вы серьезно верите, что девчонку убила какая-то немислимая нечисть, а не... Не знаю. Кто угодно. Но человек.

Не смотри им в глаза. Не надеяй их человеческими чертами. Ни к кому не привязывайся.

Лучше — ни к кому вообще. Люди, они ведь так недолговечны.

И многие заканчивают так же — похожими на манекены, на бесформенную кучу под покрывалом. Неловкий человекообразный конструкт. Но точно не личность, не мыслящее, теплое существо.

Матвей Иванович мог бы рассказать ему, что работает с Центром слишком давно, чтобы хоть во что-то не верить. Что в Москве или Петербурге, даже в Новосибирске, юному полицейскому так трепаться бы не позволили и едва ли его, совсем зеленого, до сверхъестественного сегмента допустили бы вообще. Видимо, дефицит кадров испытывает не только Центр. В то, что домовая действительно может жить за чьей-то печкой, поверить сейчас нереально, да и печек сейчас почти не осталось. Матвей Ивано-

вич рад до одури, что не родился *зрячим* — это они так тех, кто видит тонкий мир, называют.

Любое преступление с налетом мистики предусматривало вмешательство Центра Парапсихологии. Ритуальное убийство, нападение неизвестного зверя, загадочное исчезновение ребенка. Все «мистическое», «странное», «не поддающееся объяснению» вверялось не менее странным и мистическим сотрудникам Центра.

Официальный статус Центрам дали при коммунистах, советчики с «удивительными» способностями у власть имущих были всегда. Страна бежала лечиться к бабкам и только после обращалась в больницы. В Центрах, впрочем, сидели не бабки. О них Матвею Ивановичу вспоминать было не то чтобы жутко. Это знакомый холодок, рождающийся где-то в груди. Когда прикасаешься к незнакомому. Неприятному. Непонятному. Когда хочешь скорее выйти на свет, смыть с себя кошмар сегодняшней ночи, обнять жену и лечь спать.

Это случится не сейчас. Может быть, даже не сегодня. Холод, нетипичный для времени года, пополам с первобытной жутью пробирался ему под форменную куртку. Холод становится привычным соседом, когда ты постоянно живешь с тем, чего не понимаешь и знать не можешь. Привычным, но никогда не любимым.

Юный полицейский все отводил глаза от тела, оно, стынувшее, перекошенное, продолжало притягивать к себе темноту переулка, как будто это было его последним назначением на этой земле.

— Господи, да где их носит, в самом деле? — Юный полицейский говорил, потому что молчать не-

возможно и потому что ему было стыдно, будто это первая покойница в его жизни. Подумаешь, покойница. Так отчего так гулко и так пусто? — Мне кажется, знаете, эта работа уже наложила на меня отпечаток. Сегодня снилось, будто я на свидании с девочкой, и я ее поцеловал. А у нее полон рот змей. Как Горгона, только на язык. И они все лезли мне в рот, кусали, прогрызали щеки, проползли в самое горло. Представляете?

Матвей Иванович на секунду выпал из мрачных мыслей о Центрах и специфике их работы, об их ужасах и об их магии. Обо всем, что он не хотел знать о тонком мире и его обитателях. Рассмеялся он совершенно искренне.

— Змеи, говоришь? — Вид у его младшего сотрудника был почти обиженным, Матвеем Ивановичу же было смешно. — Ну, если сон был в руку, то Озерская сегодня точно здесь будет. Змеинее не придумаешь.

Серебристый кроссовер затормозил совсем рядом, возникнув будто из ниоткуда. Матвей Иванович слышал, что это заклятье отвода глаз. С тем же успехом информация могла оказаться выдумкой. Он бы не удивился ни тому ни другому варианту, легенд о Центре Парапсихологии среди небольшого круга осведомленных гуляло достаточно.

В машине сидело трое, Матвей Иванович всегда думал о них — вчерашние дети, недавние подростки, все еще полные бестолковой юности, у нас тут мир в огне и труп явно магического толка, а они все еще хотят смеяться и танцевать. За рулем мрачно возвышался Марк Мятужный, рядом с ним беспокойной хмурой юлой вертелась светловолосая Саша Озерская. Григорий Истомин — в Центре мальчишку на-

зывали Грин, — точно сошедший с плаката смазливый азиатский идол из комнаты внучки Матвея Ивановича, по обыкновению, отказался от битвы за переднее сиденье, его лицо то и дело мелькало бледной запятой сзади. Матвей Иванович уже видел, что младшие сотрудники Центра ругались.

Молодые и гордые, наделенные сверхъестественным знанием, но при этом до сих пор эгоистично, по-юношески смотрящие внутрь себя, спешить они не собирались. Озерская ненавидела трупы, а значит, про себя Матвей Иванович желал Мятежному и Грину удачи уже в том, чтобы просто вытряхнуть ее из машины. Оттуда тем временем доносился приглушенный, полный тихой ярости голос Мятежного:

— Уговор был, что ты встанешь, выйдешь и сделаешь свою работу.

Саша смеялась с убийственным, режущим отчаяньем, которое не могли приглушить даже закрытые окна:

— Да что ты? А тяжелую моральную травму мне компенсирует кто? Ты, Мятежный?

Младшие сотрудники Центра наконец выбрались из машины, а вместе с ними затянувшаяся война, которую они с завидным упорством таскали с собой еще с подросткового возраста.

Голос Грина прозвучал неожиданно твердо, чуть хрипло, он будто успел устать еще до прибытия на место. Возможно, они действительно успели умотать его еще на подлете.

— Пожалуйста. Чем быстрее мы здесь закончим, тем быстрее вернемся.

Саша фыркнула, бросила на него быстрый взгляд, будто украдкой.